

**РАЗМЫШЛЕНИЯ
ЧЕМПИОНА**

Уроки теннисной
жизни

**PETE
SAMPRAS**

with Peter Bodo

A

CHAMPION'S

MIND

**Lessons from a
Life in Tennis**

CROWN PUBLISHERS
NEW YORK

**ПИТ
САМПРАС**

При участии Питера Бодо

РАЗМЫШЛЕНИЯ

ЧЕМПИОНА

**Уроки теннисной
жизни**

Издательство «Олимп-Бизнес»
Москва, 2015

УДК 796.342
ББК 75.577
С17

*Издательство благодарит
Федерацию тенниса города Жуковского
за участие в подготовке и выпуске этой книги*

Сампрас Пит

С17 Размышления чемпиона : Уроки теннисной жизни / Пит Сампрас, Питер Бодо / [Пер. с англ. А. Столярова]. — М.: Издательство «Олимп—Бизнес», 2015. 352 с.

ISBN 978-5-9693-0302-7

В книге Пита Сампраса «Размышления чемпиона» один из самых титулованных и успешных игроков в истории тенниса предлагает нам увидеть жизнь выдающегося спортсмена его же глазами. Великий теннисист, всегда избегавший внимания прессы и никогда не позволявший «заглянуть себе в душу», сам раскрывает ее перед читателем. В своей книге Пит впервые откровенно говорит о том, что означало для него обладание теннисным Даром.

Карьера Сампраса пришлась на эпоху глубоких перемен в теннисном мире, связанных с взрывным ростом уровня соперничества, с революционными новшествами в экипировке и интенсивной коммерциализацией тенниса, с допинговыми скандалами на высшем уровне... Пит рассказывает о личных невзгодах и о внутренней борьбе, которую переживал, находясь на вершине мирового тенниса. «Уроки теннисной жизни» — бесспорно, одни из лучших теннисных мемуаров всех времен.

Книга предназначена широкому кругу читателей, интересующихся спортом вообще и теннисом в частности; она будет полезна для самих игроков — как опытных, так и начинающих; ее, несомненно, с увлечением прочтут и просто поклонники мемуарного жанра.

**УДК 796.342
ББК 75.577**

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизводство всей книги или ее части в любом виде воспрещается без письменного разрешения издателя.

© 2008 by Pete Sampras
This edition published by arrangement
with The Waxman Literary Agency
and The Van Lear Agency
All rights reserved.

© Перевод на русский язык, оформление,
издание. Издательство «Олимп—Бизнес»,
2011, 2015.

ISBN 978-5-9693-0302-7

Содержание

	Предисловие к русскому изданию	
	Заманчивый свет очень яркой звезды	VII
	О книге	XIII
	От автора	XVI
	Предисловие	XVII
	Глава 1	
1971–1986	Теннисный мальчик	1
	Глава 2	
1986–1990	Волшебная сказка Нью-Йорка	33
	Глава 3	
1990–1991	Тяжкое бремя	57
	Глава 4	
1992	Беседа с самим собой	81
	Глава 5	
1993–1994	«Скучный» чемпион	103
	Глава 6	
1994–1995	На пути к славе	135
	Глава 7	
1996	Момент истины	173
	Глава 8	
1997–1998	Уимблдон — это навсегда!	207

	Глава 9	
1999–2001	В погоне за рекордом Эмерсона	239
	Глава 10	
2001–2002	Еще один титул — под занавес	275
	Эпилог	305
	Приложение	
	Мои соперники	313

Заманчивый свет очень яркой звезды

Предисловие к русскому изданию

Уже хотя бы потому, что американский теннисист Пит Сампрас был не очень-то разговорчив в ходе своей блистательной карьеры, его книга вызывает несомненный интерес. Эта книга написана для тех читателей, которых волнуют не подробности частной жизни родившегося почти сорок лет назад великого чемпиона, а то, как такими чемпионами становятся.

Родители Пита — Джорджия и Сэм — прибыли за океан из Греции. Познакомились они в Вашингтоне, поженились, и у них родились четверо детей — двое мальчиков и две девочки. Будучи третьим ребенком в семье, Пит хорошо ладил со старшими братом и сестрой и не обижал младшую. Отца он немного побаивался, хотя тот не был каким-то тираном. Мать Пита, отличаясь чуткостью и отзывчивостью, тихо и незаметно благотворно влияла на всю четверку. «Если от папы, — пишет Пит, — я унаследовал невозмутимость и сдержанность, то от мамы — упорство, стойкость и... упрямство. <...> Думаю, от нее мне передалась способность полностью, без остатка концентрироваться на своей задаче. В течение всей карьеры я никогда не забывал о главной цели, не отвлекался на второстепенные вещи — что бы ни происходило со мной вне корта».

С юных лет Пит понял, что рожден для игры в теннис, и это его понимание хорошо иллюстрирует с детства прочувствованная мальчиком мысль: «Если сизмальства знаешь, кто

ты и чего хочешь — скажем, выступать со скрипичными концертами или строить высочайшие небоскребы, то у тебя есть стартовое преимущество перед остальными на пути к цели».

Удачному старту Пита чрезвычайно способствовало то обстоятельство, что его отца, работавшего инженером-механиком в Министерстве обороны в Вашингтоне, перевели в 1978 г. в Калифорнию — «теннисный рай» даже по американским меркам.

В семь лет Пит стал брать там уроки тенниса у знаменитого тренера Роберта Лэнсдорпа. Поначалу застенчивый и замкнутый, ребенок сразу же осознал, что получаемый им энергетический заряд от крайне сурового мэтра привел к ситуации, когда многие не только тебя замечают, но и предсказывают карьеру великого игрока. И Пит не просто поверил в эти прогнозы — он решил, что обязательно должен выиграть Уимблдон и Открытый чемпионат США по теннису.

Конечно, самым великим целям и устойчивой вере в себя всегда должна сопутствовать удача. И она не отвернулась от юного теннисиста. Уже в Калифорнии на отца вышел некий Пит Фишер, который в результате завязавшегося знакомства стал своеобразным куратором карьеры юного тезки, приняв на себя полную ответственность за нее. Однако его незаурядные организаторские способности были сопряжены со слишком назойливой любовью к детям, и хотя на семейство Сампрасов эта «любезность» не распространилась, неприятный осадок, что называется, остался, после того как Фишер был отправлен за свое не понятое обществом поведение в тюрьму.

В книге Сампрас с удовлетворением вспоминает, как «втянулся в плотный тренировочный процесс. Лэнсдорп ставил мне удар справа и другие удары с отскока, Фишер служил статистом, помогавшим совершенствовать подачу, а другой местный тренер, Дел Литтл, следил за работой ног и общей физподготовкой. Удары с лета я оттачивал у Ларри Исли, профессионального игрока Клуба Крамера, который тренировал мужчин-теннисистов в Университете Лонг-Бич. Такова

была моя неофициальная тренерская команда». Можно только восторгаться тем, что юный Пит проходил разностороннюю выучку у такого мощного, прямо-таки профессорского коллектива. Очевидно, что при столь продуманном, системном подходе к работе с детьми потери истинно талантливых юных теннисистов минимальны.

И еще очень важный момент. Сампрас вспоминает, что в годы его «теннисного взросления» ему никогда не говорили: «Ты обязан выиграть эту встречу!» И в результате Пит даже при проигрыше не терял уверенности в себе, что очень пригодило ему в течение всей карьеры на корте.

Вот почему размышления настоящего чемпиона об уроках, полученных в его насыщенной огромными достижениями и определенными потерями теннисной жизни, заслуживают внимания не только поклонников спорта, но и профессиональных «жизнелюбов» на любом поприще.

Из турниров «Большого шлема» Сампрас ни разу не выиграл только чемпионат Франции. Однако он семь раз был сильнейшим на Уимблдоне, шесть раз побеждал на чемпионате США и дважды становился лучшим в Австралии. Вполне естественно, что в его книге есть специальная глава «Уимблдон — это навсегда!». Как гимн Уимблдону звучат слова Пита: «Уимблдон — волшебное место, освященное множеством вековых традиций и ритуалов. Но больше всего меня привлекала простота тенниса на траве. Это игра непринужденная, естественная. В ней нет ничего лишнего, она ведется на чистой, красивой, ухоженной сцене. Мои ощущения не изменились даже после того, как дебаты о „наводящем тоску травяном теннисе“ привели к замедлению игры на Уимблдоне (там сменили мячи и состав травы). Хотя этот процесс пришелся на вторую половину моей карьеры, для меня почти ничего не изменилось. С начала и до конца моих выступлений на Уимблдоне я показывал один и тот же атакующий теннис, основанный на сильной подаче». Тут как раз тот самый случай, когда соблюдается полная гармония: и место красит человека, и человек красит место.

По ходу чтения книги я обнаружил, что Пит склонен к самоанализу. Вот один весьма выразительный пример: «Когда я размышляю о том, как мне удавалось выигрывать столько матчей на протяжении многих лет, на ум приходят несколько ключевых моментов. Прежде всего, я верил в себя и свой Дар. Совершив крупную ошибку, я просто „стирал ее с жесткого диска“. Не могу точно сказать, как именно я выработал способность двигаться вперед, а не топтаться на месте, но она у меня была. Думаю, это феномен скорее умственного, нежели эмоционального плана — нечто вроде сверхнацеленности на успех. И, конечно, огромную роль играл волевой настрой. Если вы приучите себя подниматься над обстоятельствами, они вас не заденут. Хотя, наверное, нужно иметь определенные задатки, чтобы данный настрой действовал в полную силу».

В то же время Сампраса можно смело причислить к аналитикам, очень трезво и ярко рассуждающим о теннисной элите. «Меня часто спрашивали, кого я считаю Величайшим теннисистом всех времен. С моей точки зрения, этого звания достойны пятеро — из тех, чья карьера <...> приходится на Открытую эру, начавшуюся в 1968 г. По совести говоря, я не чувствую себя вправе оценивать великих теннисистов любительской эры, когда ведущие игроки становились профессионалами и теряли возможность выступать на турнирах „Большого шлема“. Моя пятерка — Род Лейвер, Бьорн Борг, Иван Лендл, Роджер Федерер и (без лишней скромности) я.

Мои доводы просты: Величайший — не просто тот, кто собрал столько-то титулов или продержался на самой вершине столько-то лет. Величайший — это еще и тот, кто в течение своей карьеры добился несомненного превосходства над главными соперниками. <...> Поэтому моя первая пятерка именно такова — при всем уважении к Коннорсу, Макинрою и Андре Агасси, которых я зачисляю во вторую пятерку первой десятки всех времен».

Не обошел вниманием Сампрас и лучших российских теннисистов — Евгения Кафельникова и Марата Сафина.

«Мне было легко играть с Евгением. Единственное исключение — тот прискорбный матч 1996 г. в Париже, где он разгромил меня в полуфинале на „Ролан Гарросе“. Это, наверное, самое сокрушительное и болезненное поражение в моей карьере. В общем и целом, Евгений ничего не мог противопоставить мне, хотя умело давил на тех, кого ему удавалось лишить уверенности или запугать. Безобразный на вид удар справа был у него лучше, чем казался, а удар слева — просто очень хорош».

«Марат великолепно сыграл против меня в финале Открытого чемпионата США 2000 г. Это была одна из самых впечатляющих побед в истории турниров „Большого шлема“. Марат — крупный, мощный парень, но при своих габаритах удивительно хорошо двигается. У него сильный удар справа и хороший, резкий удар слева. Он умеет играть с лета — и на быстрых покрытиях, вероятно, мог бы атаковать чаще, нежели себе позволяет. Когда Марат в форме, он поистине беспощаден. Некоторое время только он и мог измотать Роджера Федерера, причем на большинстве типов покрытия. Однако Марат всегда играл неровно. Он наделен всеми нужными качествами за исключением психологической стабильности».

В этом небольшом отклике на книгу я не стремился выразить свое личное отношение к многолетнему лидеру мирового тенниса. Тем не менее хочу особо отметить, что Пит отлично знал себе цену (безусловно, весьма высокую) и в то же время всегда оставался скромным, симпатичным парнем. Я много раз комментировал матчи с участием Сампраса, посещал его пресс-конференции, но почему-то мне особо запомнилась случайная встреча в аэропорту Лос-Анджелеса, куда я в конце 1980-х годов прилетел из Новой Зеландии с ветеранского турнира в рамках Ассоциации теннисистов-профессионалов (АТП), перед тем как отправиться на аналогич-

ное соревнование в город Феникс (штат Аризона). Друзья представили мне Пита и сказали, что он мой попутчик. Как многообещающего мальчика, его пригласили в Феникс на «взрослый» турнир АТП. Я порадовался за Пита (хотя со своей «ветеранской позиции» слегка позавидовал его возрасту) и подумал: если много обещаешь — надо выполнять! И он никого не подвел. Молодец!

Книга является хорошим пособием как для начинающих теннисистов, так и для мастеров, стремящихся к совершенству, а особенно — для родителей юных дарований.

*Александр Метревели,
Заслуженный мастер спорта*

Пита Сампраса можно без преувеличения назвать величайшим теннисистом всех времен. Благодаря упорству и трудолюбию он добился беспрецедентного достижения — сохранял звание первой ракетки мира 286 недель подряд. Исключительная одаренность позволила ему поставить еще один рекорд — завоевать четырнадцать титулов «Большого шлема». И если его более словоохотливые соперники чаще мелькали на страницах газет, то Пит предпочитал, чтобы за него говорила ракетка, — пока не появилась эта книга.

В «Размышлениях чемпиона» великий теннисист, который никогда не разрешал «заглянуть себе в душу», сам раскрывает ее перед читателем. Одаренный спортсмен, Пит с самого начала занятий теннисом отказался от всего, что могло встать между ним и его любовью к игре. Столь полная концентрация позволила ему добиться выдающихся успехов в теннисе, но за них приходилось платить. Постоянное напряжение конкурентной борьбы на величайшей мировой сцене — под неусыпным оком медийной машины, жаждущей большего, чем одни лишь спортивные подвиги, — взяло свою дань.

В своей книге Пит впервые откровенно говорит о том, что означало для него обладание Даром. Он рассказывает о личных невзгодах — в том числе о смерти тренера и друга, с которым провел многие годы, — и о внутренней борьбе, которую он переживал, находясь на вершине мирового тенниса. Среди самых захватывающих эпизодов книги — сокрушительное поражение от Стефана Эдберга, заставившее Пита принять почти монашеский обет верности своему природному таланту; изматывающая борьба (более четырех часов) с Алексом Корретхой, во время которой Пит почув-

ствовал себя плохо; яростные битвы на корте с соперником и другом Андре Агасси; и наконец, завершивший карьеру Пита триумфальный матч в финале Открытого чемпионата США 2002 г.

В «Размышлениях чемпиона» один из самых титулованных, успешных и скрытных игроков в истории тенниса предлагает взглянуть на жизнь выдающегося спортсмена изнутри — его же глазами.

* * *

Считайте эту книгу пятнадцатым «Большим шлемом» Сампраса. Это поистине захватывающее чтение, которое не только рассказывает о блестящей спортивной карьере, но и позволяет проникнуть в сознание чемпиона. На страницы книги словно выплеснуты все переживания и мысли, которые Сампрас предпочитал таить в себе, когда был действующим игроком.

*Джон Вертхейм, корреспондент и писатель,
«Sports Illustrated» и SI.com*

Как свидетельствует название книги, это замечательная попытка заглянуть в сознание чемпиона и, вероятно, одни из лучших теннисных мемуаров всех времен. Пит рассказывает, какое напряжение чувствует тот, кто поднялся на вершину. Он приглашает нас выйти на корт вместе с ним, и мы ясно понимаем, что сделало его выдающимся игроком: он был исключительно собран, стремился выяснить сильные и слабые стороны соперников, никогда не позволял себе уступить хоть очко без борьбы. Пит писал эту книгу так же, как играл в теннис, — вкладывая в нее всю душу.

Род Лейвер

Даже если играешь на высоком уровне, нелегко представить, чего стоит побеждать и оставаться на вершине. Все мы по-разному переносим и напряжение, и блеск славы. Сохранить равновесие невероятно трудно, и эта поразительно искренняя

книга свидетельствует, что именно редкая способность Пита замыкаться в себе и черпать эмоциональную поддержку у семьи помогла ему достичь высочайших спортивных вершин. Пусть ваше чемпионство уже в прошлом или еще только в мечтах — не важно: история Пита расскажет вам о многом.

Моника Селеш

Когда я рос, Пит Сампрас был одним из моих кумиров. Он достиг высочайшего мастерства и выиграл много важнейших матчей на самых значительных соревнованиях. Эта книга знакомит читателя с блестящей карьерой Пита и объясняет, как он настроил себя на то, чтобы стать лучшим игроком в мире. Его размышления могут оказаться полезными для всех нас.

Роджер Федерер

От автора

Я хочу поблагодарить моих родителей Сэма и Джорджию, брата Гаса, сестер Стеллу и Мэрион за любовь и поддержку.

Благодарю моих тренеров Пола Аннакона и покойного Тима Галликсона: мало того, что я обязан им своими достижениями, — они были мне истинными друзьями!

Благодарю команду, так много сделавшую для моей карьеры: мастера по ракеткам Нейта Фергюсона, фитнес-тренера Пэта Этчберри, личного врача Тодда Снайдера и моего личного тренера Бретта «Муса» Стивенса.

Хочу выразить признательность моему соавтору Питеру Бодо — за то, что он понял меня, понял мою игру и помог мне «разговориться».

И наконец, мои болельщики... Благодарю вас за непрестанную поддержку на протяжении всей моей карьеры. Я любил вас и всегда буду любить!

Предисловие

Еще несколько лет тому назад мне (а вам и подавно!) и в голову не могло прийти, что я напишу книгу о своей жизни, о годах, проведенных в теннисе. Ведь за меня всегда говорила ракетка. Одержимый желанием собрать как можно больше титулов «Большого шлема», я был сосредоточен лишь на победе, вел замкнутое, аскетическое, почти монашеское существование. Я тщательно охранял свою личную жизнь и избегал любого повода для нездоровой шумихи — шла ли речь о теннисном корте или о моей семье.

Но когда я завершил выступления, у меня появилось достаточно свободного времени, чтобы поразмышлять над тем, как я жил, чего добился и чем история моей карьеры может быть полезна для других людей.

Первым делом я подумал, что мои теннисные достижения, наверное, будут интересны и любопытны моей семье. Если мои дети (и многочисленные родственники) захотят узнать и понять, что я собой представлял и каким ощущал себя в разное время, пусть они увидят все моими глазами. Сейчас, когда я пишу эти строки, оба наших сына, Кристиан и Райан, уже способны метко послать теннисный мяч — именно в этом мой отец Сэм усмотрел первый признак моего спортивного таланта. Я хочу, чтобы мои болельщики (да и все поклонники тенниса) тоже взглянули на меня моими глазами. Эта книга — мое наследие.

И еще одна важная вещь. Мне удавалось избегать всеобщего любопытства, и это принесло неоценимую пользу моей спортивной карьере. Я смог сосредоточиться на главном, не выставлял себя напоказ, и в результате о моей жизни мало что было известно. И вот мне захотелось соединить разрозненные фрагменты информации в рамках более обшир-

ного полотна и прояснить внутренние связи, которые не привлекли особого внимания или остались незамеченными.

Работая над книгой, я осознал, что мне очень повезло в жизни, несмотря на целый ряд неблагоприятных обстоятельств. Мой первый тренер оказался в тюрьме. Наставник, чьи уроки были бесценны, когда я только начал обретать зрелую игру, заболел раком и вскоре умер. Несчастный случай унес из жизни одного из моих лучших друзей-теннисистов. На почве перенапряжения у меня не раз возникали физические проблемы, а одна травма вообще поставила под угрозу мою карьеру — как раз в то время, когда я готовился обойти Роя Эмерсона по абсолютному числу призов «Большого шлема» в одиночном разряде. Случались у меня крупные размолвки с коллегами-спортсменами, даже с моими спонсорами и теннисным истеблишментом. Но почти никто из людей, которым известно мое имя, не подозревает об этих испытаниях. Я рад, что они до сих пор оставались в неведении, почти горжусь этим, но все же хочу рассказать о печальных и трудных событиях, объяснить, что они для меня значили и как на меня повлияли.

Эта книга не из тех, которые написаны с целью произвести впечатление на публику. С самого начала я хотел вести речь преимущественно о теннисе и поведать свою историю так, чтобы и сама игра, и сцена, на которой разворачивались действия, предстали в самом привлекательном свете. Я исповедую принцип «живи сам и давай жить другим». Я никогда не уклонялся от проблем: всегда встречал их лицом к лицу и двигался вперед.

Мой теннис пришелся на эпоху великих перемен. О ней возвестил взрывной рост уровня международного соперничества, сопровождавшийся революционными новшествами в экипировке, интенсивной коммерциализацией тенниса, первым крупным допинговым скандалом на высшем уровне и замедлением темпа игры (с чем я впервые столкнулся на самом любимом и успешном моем турнире, Уимблдоне).

То было славное время, особенно для американского тенниса. Наше поколение дало четырех чемпионов «Большого

шлема» (Майкл Чанг, Джим Курье, Андре Агасси и я), а спортсмены из других стран вошли в число моих самых сильных и целеустремленных соперников. Напряженное соперничество продолжилось с появлением Роджера Федерера — швейцарца, ставшего моим близким другом. В рекордные сроки он собрал все призы «Большого шлема». В зависимости от происходящих событий время течет быстрее или медленнее. И для меня настала пора добавить собственную историю в общую кладовую.

Тэд Уильямс, знаменитый отбивающий «Бостон Ред Сокс», как-то сказал, что хотел от жизни только одного: чтобы прохожие на улицах указывали на него и говорили: «Вот идет мастер удара, величайший из когда-либо живших». С первых дней моей карьеры я испытывал сходное желание. Оно может показаться самонадеянным, но это своего рода энергетическая подпитка, без которой невозможны действительно высокие достижения. Бывали у меня моменты, когда в критические минуты важнейшего поединка я подходил к линии подачи и делал паузу, чтобы впитать атмосферу стадиона. Бурля адреналином, я смотрел на зрителей и вызывающе твердил про себя: «Сейчас я вам покажу, кто я такой».

Большинству чемпионов присущ этот яростный напор, настрой на борьбу. Он набирает силу, когда вы «застолбили свою территорию». Если вам нечего защищать, вы не продержитесь долго под прицелом конкурентов. Но есть и другая сторона: в нашем спорте лучшие игроки и жесткие соперники, как правило, ведут себя по-джентльменски, подавая пример для подражания и на корте, и за его пределами. Достаточно взглянуть на Рода Лейвера, представителя более ранней эпохи, и Роджера Федерера, задающего тон теперь.

Эта книга неспешно и обстоятельно расскажет вам о том, кто же я на самом деле такой.

*Лос-Анджелес,
январь 2008*

*Моей жене Бриджит
и моим сыновьям Кристиану и Райану.
Вы значите для меня больше,
чем все победы в «Большом шлеме»
и мировая теннисная слава*

1971–1986

Глава 1

Теннисный мальчик

Чтобы стать великим теннисистом, наверное, совсем не обязательно с самого начала знать, кто ты такой и чего хочешь. Разные игроки шли к своему призванию разными путями. Я же *знал*! Почти с первых дней знал, что рожден для тенниса! Может быть, в этом и нет абсолютной необходимости, но если сызмальства знаешь, кто ты и чего хочешь — скажем, выступать со скрипичными концертами или строить высочайшие небоскребы, то у тебя есть стартовое преимущество перед остальными на пути к цели.

Я родился в Потомаке (штат Мэриленд) 12 августа 1971 г. и был в семье третьим ребенком из четырех. Брат Гас старше меня на четыре года, сестра Стелла (еще один серьезный теннисный игрок в нашем семействе) — на два, а самая младшая — моя вторая сестра Мэрион.

Мой отец Сэм — грек по происхождению. Когда я родился, он работал инженером-механиком в Министерстве обороны в Вашингтоне. Поскольку одной зарплатой на семью (жена Джорджия и четверо детей) не хватало, отец держал на паях с тремя родственниками ресторан и гастрономический магазин в округе Мэклеин, Виргиния. Это не были в полном смысле заведения греческой кухни, но мое семейство сумело познакомить местную публику с характерным для греков пристрастием к вкусной еде, и дело процветало.

О жизни в Потомаке я мало что помню, но все же не забыл, как мне попала старая теннисная ракетка: она-то и стала моей любимой игрушкой. Я пулял мячиком во все поверхности, от которых он мог отскочить, — чаще всего в бетонную стену соседней прачечной. Постепенно я добрался до местного парка, где было несколько кортов, и получил первые уроки. Я тут же заболел игрой, погрузился в нее с головой, и, думаю, на то была все та же загадочная причина, по какой Тайгер Вудс взял в руки клюшку для гольфа, а Уэйн Гретцки — хоккейную клюшку.

Отец рассказывал, что однажды в парке к нему подошел какой-то парень и заметил: «А у вашего сына, похоже, неплохие способности к теннису». Надо полагать, отец отнесся

к этой похвале с полной серьезностью, хотя сам не особенно интересовался спортом, да и никаких теннисных традиций в нашем семействе не было. Мы ведь принадлежали к американцам греческого происхождения, и с нашими корнями нас многое тесно связывало. В Европе есть небольшие страны, богатые теннисными традициями, например Хорватия и Швеция. Но Греция не из их числа. Поэтому теннис исторически оставался вне нашего кругозора.

Отец ничего не знал о теннисе и не возлагал на меня никаких надежд в этой области, пока я сам не проявил к ней интерес. Естественно, он не имел и связей с окружающей теннис средой — замкнутой и состоящей по преимуществу из тех, чьи семейства увлекались этой игрой на протяжении многих поколений. Отец понял, однако, что мои спортивные задатки достаточно велики. Даже малым ребенком я уже мог сильно бить по мячу. Это у меня получалось как бы само собой.

Когда мне исполнилось семь, отца перевели в район Лос-Анджелеса — известного центра аэрокосмической и военной промышленности. Понятное дело, о моем теннисном будущем он тогда и не помышлял. Но, к счастью, совершенно неожиданно оказалось, что Южная Калифорния — также и центр американской теннисной культуры, особенно в ее общедоступных формах.

Теннис в Соединенных Штатах существовал в двух ипостасях. На северо-востоке — в Бостоне, Ньюпорте, Нью-Йорке и Филадельфии (где по традиции проходили самые крупные турниры, включая Открытый чемпионат США) — это всегда был привилегированный спорт для богатых. Игра там велась в строгом соответствии с давними правилами и почти до самого моего рождения — только на травяных кортах.

Калифорния же представляла собой нечто совершенно иное. Благодаря теплomu климату Западного побережья здесь можно было круглый год играть на открытом воздухе, без больших затрат и к тому же в абсолютно демократичной

обстановке. Свободного места хватало, и общественные корты располагались повсюду. Покрытие было, как правило, бетонное: эти площадки дешевы, и их нетрудно содержать в порядке.

Так Калифорния стала еще одним теннисным центром. Первые большие игроки, возвращенные Западным побережьем, — Элсворт Вайнс (до сих пор известный своей невероятной подачей), Джек Крамер, Панчо Гонзалес, Стэн Смит, Билли Джин Кинг и Трейси Остин.

Сильная подача и напористая, наступательная манера — отличительные особенности «калифорнийского стиля». Что касается техники, то она, конечно, разная — в зависимости от региона и типа покрытия. И различия эти достаточно заметны. Даже основные стили хвата ракетки — континентальный (европейский), восточный и западный — получили названия по регионам, где они были распространены и подходили к местным условиям.

Одна из моих заслуг (во всяком случае, так мне говорили) заключается в том, что я стал почти образцовым универсальным игроком. Я обладал сильной подачей, агрессивно играл на задней линии — то есть был типичным представителем «калифорнийского народного стиля». Затем я освоил подачу с выходом к сетке и причинил соперникам-европейцам очень крупные неприятности на их любимых кортах, победив семь раз в мужском одиночном разряде на самом главном и, без преувеличения, элитном мировом турнире — Уимблдоне. Единственное покрытие, которое я так и не освоил полностью, — это медленные европейские грунтовые корты. Поэтому я никогда не выигрывал Открытый чемпионат Франции — крупнейшие соревнования на таких площадках.

Что касается моего стиля и результатов, то я превзошел региональный и даже национальный уровень, видимо, в большей степени, чем некоторые мои предшественники, завоевавшие титул первой ракетки мира. Взять хотя бы мое-

го соотечественника Джимми Коннора. Он был родом из Иллинойса, но довольно рано переехал в Калифорнию и совершенствовал свой стиль на местных кортах с твердым покрытием. Чувствуя себя уверенно на любых площадках, он «всего лишь» дважды выиграл Уимблдон, но его игра была достаточно хороша, чтобы пять раз победить на Открытом чемпионате США, причем трижды — на любимых им кортах с твердым бетонным покрытием.

Главное достоинство Калифорнии заключалось в тех возможностях, которые открывала развитая, самобытная и прочно укорененная местная «теннисная культура». Но в нашем семействе не было таких традиций: нам предстояло все схватывать на лету и усваивать на ходу. По счастью, мы оказались в самом центре урагана Открытой эры. Он разразился в 1968 г., когда профессионалам наконец предложили соперничать с любителями на четырех «главных» турнирах «Большого шлема» (Открытые чемпионаты Австралии, Франции, США и Уимблдон). Переход к Открытому теннису означал, что все сильнейшие игроки мира отныне могут участвовать в одних и тех же турнирах и претендовать на полноценный чемпионский титул. Результатом стал теннисный бум. На кортах появились миллионы новых любителей и потенциальных профи.

Когда мы оказались в Калифорнии, штат изобиловал игроками мирового уровня и теми, кто подавал большие надежды. Возможностей для учебы, тренировок и игры было предостаточно. Перспективы казались завораживающими — вернее, казались бы, сумей мы по достоинству их оценить. Но мы пока не умели.

Чтобы отправиться в Калифорнию, отец продал свою долю ресторанного бизнеса. Ему уже наскучило это дело, а заодно и партнеры-родичи. Денег пока хватало, и он хотел передохнуть. Вместе с тем отец внутренне уже подготовился к тому решительному шагу, который до него совершили многие новоиспеченные американцы и иммигранты,

следуя «американской мечте», — он обратил взор на Запад, к Калифорнии. Несколько раз отец съездил на западное побережье, устроил наш дом в Палос-Вердес и, наконец, перевез туда нас.

Ясным утром 1978 г. мы сели в машину. Помню, это был маленький синий «форд пинто», бюджетный автомобильчик без всяких излишеств (потом он приобрел печальную известность: если в машину вреза́лись сзади, мог загореться бензобак). Мы набились в него вшестером и двинулись на Запад. Впрочем, погодите: всемером, поскольку с нами ехал наш попугай Хосе. Если вы смотрели классический фильм с Чевии Чейзом «Рождественские каникулы» («Christmas Vacation»), то без труда вообразите эту теснотищу.

Когда мы приехали в Палос-Вердес и вошли в наш скромный дом (примерно 150 квадратных метров), я ощутил прилив энтузиазма. Отдельная комната полагалась только Гасу, как старшему из детей, а меня поселили с Мэрион. Своя комната появилась у меня только в пятнадцать или шестнадцать лет.

Очень скоро мы обнаружили, что нас окружает насыщенная теннисная среда. Неподалеку, в Роллинг-Хиллз, находился Клуб Джека Крамера, сыгравший выдающуюся роль в подготовке многих прекрасных игроков (в том числе Трейси Остин). А еще был Весл-Энд, где я начал брать уроки у одного из лучших тренеров всех времен — Роберта Лэнсдорпа.

Я рос застенчивым, замкнутым ребенком. Но если ты получаешь энергетический заряд от Лэнсдорпа, то сразу начинаешь владеть ситуацией и многие тебя замечают. Сейчас это кажется невероятным, но вскоре после того, как я начал работать над своей игрой, нам стали говорить, что из меня выйдет великий теннисист. Почти сразу же меня начали сравнивать с такими парнями, как Элиот Тельтшер, — говорили, что уже в четырнадцать лет я буду столь же хорош,

как несомненно одаренный Элиот в шестнадцать. (Тельтшер сделал великолепную профессиональную карьеру и вошел в первую мировую десятку.)

Еще подростком я решил, что должен выиграть Уимблдон и Открытый чемпионат США, и считал эту задачу вполне посильной. Многие дети, которым твердят, будто они замечательно талантливы, что они должны верить в себя, работать над собой и так далее, в конце концов оказываются на обочине. Им может не хватить характера или физических ресурсов, порой им трудно оправдать собственные ожидания, у них могут возникнуть неустранимые изъяны в технике, психологическом настрое или в представлениях о своей карьере. Если человек убежден, что с ним не случится ничего плохого из того, что могло бы случиться, это почти наверняка обманчивая надежда — не считая случаев, когда она все же сбывается.

Может быть, именно вера в то, что я сравниюсь с лучшими из лучших, помогла мне стать тем, кто я есть. В глубине души я всегда в это верил. Я не сомневался. Но самое поразительное заключается в том, что действительно не случилось ничего, способного разбить, поколебать или отнять у меня эту веру, и я прошел сквозь преграды, грозившие встать между мной и моим призванием.

Вскоре после того как я начал играть в Клубе Крамера, папа познакомился с одним из его членов по имени Пит Фишер, известным педиатром из Нью-Йорка. Это был типичный «доктор» и в теннис играл соответственно. Плотный, с большим животом, он демонстрировал, наверное, самую ужасную манеру игры из когда-либо виденных мной. Зато Пит был умным и проницательным знатоком тенниса — можно сказать, провидцем.

Взглянув на меня, он тут же отметил мой незаурядный талант, сдружился с папой, который возил меня на тренировки, и в конце концов убедил его, что может сделаться моим наставником. Теперь, задним числом, я, конечно, понимаю, что «наставник» — не вполне подходящее для Фишера

определение, ибо главное его достоинство заключалось в том, что он точно знал, чего *не* умеет. Будучи никудышным теннисистом, он совершенствовал мою игру весьма мудро — подыскивал тренеров и специалистов, дававших мне неоценимые уроки. Пит имел на меня виды грандиозные, почти фантастические. Он представлял собой смесь генерального подрядчика и полупомешанного ученого, одержимого идеей создать величайшего чемпиона «Большого шлема».

Наконец Пит (и это был его мудрейший шаг) сумел убедить папу, что сможет руководить моей теннисной карьерой. Он стал нашим советником, наперсником и посредником между нами и миром тенниса.

Оглядываясь назад, больше всего я ценю то, чего добился Пит в плане моих отношений с отцом. Он исключил из них теннисную тему и полностью взял ее на себя. Папа, который с самого начала твердил, что ничего не смыслит в теннисе, был избавлен от всякой ответственности за мой прогресс. Эта граница между родителем и руководителем всегда оставалась незыблемой, поэтому мои неудачи никогда не выводили папу из себя и не делались источником сильных переживаний. Естественно, он следил за моей карьерой, но словно со стороны. Как потом сказал Роберт Лэнсдорп, «он был похож на бесстрастного наблюдателя, стоящего далеко за оградой».

Такое положение вещей меня чрезвычайно устраивало, если учесть характер отца. Нельзя сказать, что он любил уединение, но в целом, конечно, был человеком не слишком общительным, скорее замкнутым, подобно большинству мужчин семейства Сампрасов, включая Гаса и меня. Мы не сразу входим в контакт с людьми, предпочитаем держаться в тени, избегаем переднего плана. Нам присуща саркастичность. Такой склад характера не очень-то удобен в обстановке профессиональных турниров, где вы постоянно в движении, знакомитесь с новыми людьми, беседуете с ними, стараетесь запомнить имена. С другой стороны, наша природная сдержанность и немногословность помогают держаться

подальше от всякого рода склок и не попадать в ситуации, чреватые неприятными последствиями. Это ценное свойство имеет большое значение для тех, кто уже покорил теннисные вершины.

В детстве я нечасто общался с отцом: ведь он был занят на двух работах и заботился о содержании семьи. Все наши потребности и в бытовом и в эмоциональном плане удовлетворяла мама. Лишь занятия теннисом позволили мне проводить больше времени с папой. Он доставлял меня на тренировки и обратно, мы ездили с ним на детские соревнования по выходным. Но это отнюдь не означало, что мы так уж часто беседовали. Моей наперсницей стала сестра Стелла. Она была немного старше, и я прислушивался к ее мнению. К тому же в нашей семье кроме меня лишь она серьезно занималась теннисом. Со временем мы стали ездить на юниорские турниры всем семейством. Поначалу для этих путешествий служил потрепанный микроавтобус «фольксваген».

Отца я немного побаивался, хотя он если и не был моим лучшим другом, то уж никак и не тираном. Помню, однажды у меня вырвалось бранное слово, и отец намазал мне рот мылом. Рукоприкладство он отвергал, но тогда нас, собственно, и не за что было сурово наказывать. Поздние гулянки? Марихуана? Что-нибудь похуже? Ничего подобного в юности мы не знали. А на меня соблазны вообще не действовали — я с головой окунулся в теннис и даже помыслить не мог, что сверну с этого пути.

Нашим воспитанием занималась мать Джорджия, человек чуткий и отзывчивый. Она всегда была готова выслушать, поговорить и разъяснить, о чем бы ни зашла речь. На нас она влияла тихо и незаметно, но, тем не менее, самые жесткие черты характера я, вероятно, унаследовал от нее. Мама была чудеснейшей женщиной на земле, она нас холила и лелеяла, откликалась на все наши переживания. Однако за этой теплотой и заботливостью скрывалась твердость.

Мама родилась и выросла в Салакии, деревушке неподалеку от Спарты. Семья жила в бедности. У мамы было двое

братьев и пять сестер, и вплоть до юности спать ей приходилось на полу. Старший брат эмигрировал в Канаду, а потом вызвал к себе остальных. Так мама приехала в Северную Америку, не зная ни слова по-английски. Через какое-то время, вместе с сестрами, близкими ей по возрасту, она начала работать косметологом в районе Торонто.

Маме было за двадцать, когда она перебралась с сестрами в Вашингтон и познакомилась с папой (у них имелись общие друзья). Отец папы советовал ему жениться на гречанке, и Джорджия оказалась подходящей парой. Они одинаково ценили семейную жизнь и хотели завести дом, где их дети чувствовали бы себя довольными и счастливыми.

Поскольку мама стала американкой лишь недавно, мы росли в атмосфере, пропитанной греческими традициями. Мы обзавелись многочисленной родней — у меня было, наверное, не меньше тридцати двоюродных братьев и сестер. Правда, моя спортивная карьера не позволяла мне поддерживать с ними тесные отношения. Каждую неделю мы ходили в греческую православную церковь, не пропускали ни одного национального праздника и гуляния — совсем как в фильме «Моя большая греческая свадьба» («My Big Fat Greek Wedding»). Мама до сих пор готовит греческие блюда — спанакопиту (кушанье со шпинатом) и долму, а уж бузуки (греческой гитары) я наслушался на всю жизнь. Тем не менее мы хотели походить на американцев: скажем, никогда не носили экстравагантную национальную одежду, а на обед у нас часто подавали болонские спагетти.

Когда я думаю о маме, о ее полуголом детстве, я хорошо понимаю, какой она неунывающий, сильный человек. Уже к двадцати трем годам она, происходившая из консервативного, патриархального общества, освоилась в совершенно чуждой ей культуре. Конечно, ее поддерживала родня, однако маме все далось ценой немалых усилий.

Если от папы я унаследовал невозмутимость и сдержанность, то от мамы — упорство, стойкость и... упрямство. Она помогла мне осознать мои базовые ценности, объясни-

ла, что я ничего не добьюсь, выбирая самый легкий путь. Думаю, от нее мне передалась способность полностью, без остатка концентрироваться на своей задаче. В течение всей карьеры я никогда не забывал о главной цели, не отвлекался на второстепенные вещи — что бы ни происходило со мной вне корта.

Маме всегда хватало хлопот с нами четверыми, а мой расцветавший талант лишь прибавил новых. Сначала Стелла и я — два спортсмена-энтузиаста — как бы отодвинули на задний план Гаса и Мэрион, а потом я затмил и Стеллу. Я стал «надеждой семьи», и — хотел я того или нет — мне уделяли больше внимания, на меня тратили больше денег. Впрочем, время от времени это порождало обиды.

Гас увлекался серфингом, у него было много знакомых, и меня это устраивало, позволяя оставаться при отце. Конечно, мне, как и всякому младшему брату, иногда очень хотелось «потусоваться» с Гасом и его приятелями. Наверное, нет нужды объяснять, что такое «комплекс младшего брата». Но мне помог теннис. Он настолько захватил меня, что я счастливо избежал многих переживаний переходного возраста. В детстве я не испытывал ревности со стороны старшего брата — разница в четыре года означала, что мы обитали в разных мирах. Но я знал, что мое привилегированное положение иногда вызывает у него досаду. Время от времени Гасу приходилось возить нас со Стеллой на тренировки, и было заметно, что эта обязанность не доставляет ему удовольствия. Думаю, тут проявлялась его реакция на дефицит внимания со стороны отца. Гас чувствовал себя немного «заброшенным», тогда как Стелла и я (особенно когда подросли) заняли положение фаворитов.

Иногда Гас вел себя навязчиво. Помню, отец купил ему гитару, и он заходил к Стелле или ко мне (точнее, к нам с Мэрион) и наяривал что есть мочи. Мне это очень докучало, но я догадывался: он просто хочет, чтобы и ему уделили толику внимания. Гас считал, что раз меня балуют, то он имеет полное право хотя бы «побацать» на гитаре.

Стелла, которая сейчас тренирует женскую теннисную команду Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, была не способна никого обидеть. Она являлась образцовой дочерью — наверное, благодаря дружелюбному, отзывчивому характеру и какой-то общей одаренности (в том числе и по части тенниса). К примеру, родители не сомневались: если Стелла и Гас ссорятся — значит, виноват Гас. У меня с ней практически не случалось размолвок. Увлечение теннисом сделало нас союзниками.

Самое яркое воспоминание о Стелле относится к тому времени, когда мы занимались у Роберта Лэнсдорпа. (Как ни удивительно, мы почти всегда тренировались вместе — тридцать минут она, тридцать — я. Это было незыблемое правило.) И вот однажды она стояла у сетки, а Роберт прямо-таки расстреливал ее мячами. Он намеренно ее не щадил, а она едва успевала отражать его удары. Это смахивало на самооборону. У Стеллы сбилось дыхание, потекли слезы. «Ты что там нюни распустила? — грубовато буркнул Роберт, притворяясь крайне недовольным. — А ну-ка соберись!» Стелла повернулась и ушла, не желая больше терпеть эти солдафонские штучки. Помню, я подошел, обнял ее и попытался утешить: «Будет тебе, Стелла, все нормально, все хорошо». Конечно, сценка выглядела забавно — двенадцатилетний сопляк в роли утешителя: «Не горюй, все в порядке!» Мне было так за нее обидно, что эпизод накрепко врезался в мою память: кажется, будто это случилось вчера.

Сестренка Мэрион играла в детский теннис, и очень успешно. Она была самой младшей, и поэтому ее слегка «оттеснили». В общем, тут нет ничего удивительного. Застенчивость мешала ей искать с нами контакт. К тому же мы со Стеллой усиленно занимались теннисом, Гас был мальчишкой, намного старше Мэрион, и ей просто не с кем было общаться. Порой она сильно переживала.

Когда Мэрион немного повзрослела, она обрела веру в Бога и воистину расцвела. Вера помогла ей счастливо преодолеть трудности подросткового периода, а в церкви нашлось

много друзей. Она стала более уверенной в себе, открытой, общительной — словом, поистине светлой личностью. Я тоже верующий, но не наделен подобной религиозностью. А Мэрион показала мне, как много вера способна сделать для человека.

В общем и целом, мы были хорошими детьми и жили дружно, несмотря на неизбежные среди братьев и сестер размолвки и соперничество. Если родители уделяли Стелле и мне больше внимания, то не потому, что сильнее любили, а из-за тенниса. Думаю, это понимали все. По крайней мере, надеюсь. Возможно, именно поэтому у нас никогда не случилось неприятных эксцессов. В некоторых отношениях мы были типичной американской семьей, в других — нет. Но мы очень близки и по сей день.

Восемь лет я помышлял о теннисе уже вполне серьезно. Остались позади те дни, когда мама в свободное время кидала мне мячики. Теперь я интенсивно занимался. Вспоминая годы своего начального обучения, я как сейчас вижу: вот отец идет к банкомату, снимает шестьдесят долларов (или сколько это тогда стоило?) и протягивает их мне, чтобы я заплатил Роберту Лэнсдорпу.

«Вжик-вжик, вжик-вжик...» — банкомат мы навещали часто. Нельзя сказать, что отец так уж много получал, но работа у него была совсем неплохая. К тому же он отложил деньги, вырученные за ресторанный бизнес. Они пригодились потом, когда пришло время крупных затрат.

Вскоре после того как Фишер взял на себя роль «куратора» моей карьеры, я втянулся в плотный тренировочный процесс. Лэнсдорп ставил мне удар справа и другие удары с отскока, Фишер служил статистом, помогавшим совершенствовать подачу, а другой местный тренер, Дел Литтл, следил за работой ног и общей физподготовкой. Удары с лета я оттачивал у Ларри Исли, профессионального игрока Клуба Крамера, который тренировал мужчин-теннисистов

в Университете Лонг-Бич. Такова была моя неофициальная тренерская команда.

Основы моей игры заложил Лэнсдорп — легендарная в теннисных кругах Южной Калифорнии личность, — прославившийся чисто сержантской муштрой без скидок и послаблений. Школа Лэнсдорпа до сих пор чувствуется в моих лучших ударах справа с отскока.

Почти все его ученики имеют мощный удар справа. Он ставил максимально плоский, чистый, экономичный удар и особенно успешно работал с девушками. В числе его воспитанниц Трейси Остин, Линдсей Дэвенпорт, Мелисса Гарни и Стефани Рехе. Все они в свое время сенсационно заявили о себе и сделали успешную (в той или иной степени) профессиональную карьеру. Что касается мужчин, то до меня лучшим достижением Роберта был Элиот Тельтшер. Правда, Элиот прославился, напротив, мощным ударом слева, и именно это я имел в виду, когда говорил, что у каждого игрока есть природные задатки, в значительной мере предопределяющие манеру его игры.

У Роберта с Фишером отношения не сложились. Роберт считал Фишера дилетантом, а это много значило, поскольку Роберт к моменту нашей с ним встречи являлся персоной известной и авторитетной, отличался резкостью, честностью и предельной прямоотой. Если вы были ему неинтересны, он этого и не скрывал. Такой характер, конечно, доставлял ему массу неудобств, но Роберт был ярко выраженным одиночкой и всегда действовал так, как считал нужным. Не знаю, побаивался ли его Фишер, но худо-бедно они все же работали сообща.

В детстве я был работягой и уважал Роберта. Он внушал мне некоторый страх — здоровенный мужик с огромными ручищами и до крайности грубыми манерами. Занятия были по четвергам, и я помню, как, еще сидя в школе, начинал волноваться и смотреть на часы, потому что занимался у Роберта с трех до четырех. Но вот что удивительно: насколько-